

Екатерина Медведева

ТЕБЕ Я МЕСТО УСТУПАЮ

ВС брал билеты на вокзале, когда внезапно поймал чей-то пристальный взгляд из толпы. Человек в элегантной серой шляпе, с плащом, перекинутым через руку, смешался, но глаз не отвел и стал пробираться к нему. «Откуда я его знаю?» – подумал ВС. И вспомнил, как только услышал первые слова.

– Как вы постарели, Володя. Только по глазам и узнал. Я вижу, вы так и не воспользовались моим подарком, – сказал он мягко.

– Нет, – покачал головой ВС.

– Он все еще у вас?

ВС кивнул.

– Но почему же вы не...

– Не знаю, – сказал он. – Не смог выбрать момент. Не смог решить за остальных... Отобрать у них...

– Отобрать у них? Или подарить им? Вы странно смотрите на вещи, – сказал человек. Поглядел на часы. – Что ж, приятно было видеть вас, простите, спешу.

Он коснулся шляпы тем изысканным движением, что уже не в ходу сейчас, и быстрым шагом исчез в толпе.

Дома ВС долго ходил из комнаты в комнату, пока дочка не затревожилась.

– Папа, что? Сердце?

– Нет, нет, милая, это я так.

– Покоя думы не дают? – улыбнулась она.

«Покоя дайте мне вы, думы злые». Эта цитата из Петрарки была у них дома в ходу. Семья филологов, что с них взять. Он заставил себя сесть в кресло и скрыться за газетой. Вот, еще один предмет, принадлежащий прошлому. В их девятиэтажном подъезде газеты выписывал он один. Другим старикам было не по средствам или не до новостей, а молодежь черпает информацию из новых источников. А ему была нужна эта газета, не ради чтения, а как своеобразный ритуал, маленький якорь, держащий его в гавани.

Он вспомнил Щёлоково, пыльное, полупустое, тогда почти заброшенное, с заколоченными окнами и разбитыми дорогами. Колодец, курятник... Бабка заставляла полоть огород, а он хватал велосипед и исчезал до вечера. Шестьдесят с лишним лет прошло, а ВС помнит запах солидола и звяканье цепи того велосипеда. И яркий букет васильков на веранде дома, куда он заехал напиться воды. Дом на отшибе, у озера, где комарье и сырость. ВС только потом понял, почему при всем своем достатке они сняли именно этот дом.

«Идеальная семья» – так он мысленно называл их. Дочка рисовала, сынишка играл с бильбоке и солдатиками, родители были молоды и невероятно элегантны. ВС – тогда он был просто Вовочка, а не Владимир Сергеевич, конечно, – зачастил к ним, приносил орехи и землянику, играл с мальчиком. А мальчик показывал ему тайком сундучок, закрытый на ключ, говорил, что там «их счастье». И трогать нельзя. «Деньги, наверно», – умудренно, по-взрослому думал семилетний Вовочка.

О, как они напряглись, увидев его в первый раз. И как испугались, когда он вернулся через двенадцать лет.

Он приехал в заброшенную деревню в ноябре, вместе с родителями, навестить пустую избу и бабкину могилу. Вечером увидел свет в окнах приозерного дома. Удивился: дачники? сейчас? А жильцы оказались те же – во всех смыслах слова. Красавица-жена без единой морщинки, мальчик с бильбоке и девочка с косами, и отец семейства нервно курит, сбивая пепел мимо пепельницы... Как будто не двенадцать лет прошло, а двенадцать минут. Они были не рады его визиту. Предложили чаю, достали из буфета варенье и изюм, а могли бы и пришибить, никто б не узнал, часто думал он впоследствии, бултыхнули б в озеро – и привет.

Но они решили откупиться. Мужчина отвел ВС в комнату и достал из сундучка – не деньги, не бриллианты, не кощееву смерть, а какую-то невзрачную безделушку, вроде закаточной машинки: выдавшая виды, щербатая, с деревянной ручкой. ВС был как во сне, не понимал, что ему говорит хозяин дома. Остановись, мгновение, ты прекрасно. Надо просто закрутить, законсервировать что угодно – банку варенья, флакон духов, бутылку с воздухом, – и время для тебя остановится, и для всех, кто с тобой семейно связан... Штучка одноразовая, так что выбери верный момент... Тот, кто мне отдал это, жил уже триста лет... Я его вычислил, и он отдал мне это в обмен на сохранение тайны... Теперь я прошу о том же тебя. Возьми – и уходи, и забудь про нас.

И он взял, и ушел, а они смотрели с веранды ему вслед.

Наутро ВС считал все дурным сном (видно, перебрал на погосте, бабку поминая), пока не наткнулся на эту закаточную машинку. Машинка была настоящая. Он бросился к озеру – потребовать объяснений, расспросить, понять. Но дом пустовал. Забытые связки книг, обрывки бечевы, газеты, разбитая тарелка, тубик с краской – следы поспешного бегства были повсюду. Ему было неловко и чудно оттого, что своим визитом он спугнул с обжитого убежища это странное семейство.

«Возьми пустую банку. И закатай ее. И храни. Пока она цела, вы будете жить – все, кто был в доме в этот момент. А надоест – разбей». Интересно, как же им удавалось не привлекать внимания много лет? «Теряли» документы и, восстанавливая, смеялись: «Ну что вы, какой же год рождения 1907-й, нет, 1967-й, это опечатка была...» И переезжали из города в город, задерживаясь на пять, десять лет, до первых косых взглядов, до первых расспросов, и срывались с насиженного места, чтобы бежать дальше и уносить с собой в сундучке свое «счастье» в стеклянной банке, да только счастьем ли было оно?

Закаточную машинку ВС привез из Щёлокова домой, сунул в ящик стола и забыл. Ему было девятнадцать. Учился, подрабатывал, бегал на свидания, писал свой первый (и последний, как стало ясно впоследствии) роман. В ту пору не остановить время хотелось, а пустить его вскачь. Потом интересная работа, женитьба, появление дочки, своя квартира, поездки на море, обожаемая всеми собака. Прекрасными мгновениями воздух был наполнен, как озоном после грозы...

Первый раз он потянулся за машинкой, когда их овчарка Леди состарилась. Она была еще здорова, но надолго ли? И как будет рыдать дочка... Может, лучше пусть будет, как сейчас? Но что же, собаке теперь вечно терпеть одышку и тяжело

переставлять лапы? К тому же жена с нетерпением ждала выхода своей монографии, гордилась и радовалась, и оставить ее в этом вечном ожидании он не имел права...

Потом ВС не раз порывался остановить время: пока дочка молодая, и они с женой крепкие, здоровые, пока никто еще не заболел и не мучается, – но как же не выдать дочку замуж, да и внука дожидаться хочется, розовых пяточек, пушистой макушки, пеленок-распашонок и того искрящегося, хрустального счастья, что переполняет всех, когда в доме появляется младенец...

Так жизнь и прошла. Он хватался за машинку, но всегда его что-то останавливало. А в нынешнем декабре, в канун Нового года, под бой курантов, ВС вдруг отчетливо понял, что скоро ему уходить. Период дожития подходит к логическому завершению. Ему не было страшно, слишком многие ждали уже на той стороне. Всю жизнь боялся чего-то: прививок и зубных врачей, экзаменов, армии, отказов и измен, бедности и ответственности... Смерти боялся. Теперь перестал. Как будто израсходовал запасы страха и наслаждался покоем... Внуками любовался. Старшая вся светится, впервые влюблена, а младшая – нежданчик, сюрприз, сокровище – только научилась ходить. ...Как жаль, как жаль, что мы все проходим одной и той же тропинкой, что и Лиза с Маруськой поблекнут, отцветут, хотя сейчас в это еще не верится, нет, конечно, нет, разве могут стареть такие розовые, росой умытые девочки...

Да, мгновенье было прекрасно. Прибран дом, пахнет хвоей и мандаринами, серебристый дождь покачивается на елке от сквозняка... Все здоровы, кроме ВС, конечно, но и он еще крепится, и будет вот так вечно сидеть в углу в кресле и по-над газетой ласково смотреть, как они, молодые, живут.

Ведь не бывает вечного счастья. Он помнил, как сделал это горькое открытие лет в тридцать. Жизнь – это долгая дорога от одной потери к другой, от одной проблемы к следующей, а счастье – лишь короткие передышки между трудностями и заботами... И ему, как никогда, захотелось остановиться. Сейчас. Когда все благополучно. Никого не нужно хоронить. Никто не лежит в больнице, не ждет операцию. Никого не выгоняют с работы. Никто не ушел гулять и не пропал. Ни у кого нет даже экзаменов... Все счастливы. И пусть так будет вечно.

Он суетливо поспешил на кухню, открывал шкафчики, потом с табуреткой полез на антресоли. Дуршлаг, сита, пароварка, запас спичек и свечей, куда же он ее дел? Табуретка вдруг качнулась, и он охнул, пошатнулся, ухватился за притолоку, со стуком упала на пол тапочка, а входная дверь хлопнула, и жена, со стопкой грязных тарелок в руках, уже спешила из гостиной к нему.

– Ты что ищешь?

– Кто пришел? – сердито спросил он.

Чужие сейчас ни к чему.

– Никто. Это наши на елку ушли, только Маруську оставили, крепко спит, я заглядывала.

Кряхтя, ВС спустился с табуретки, посидел за пустым столом, выпил стопочку – с досадой, но и с облегчением. Упорхнули. Не успел. Может, и к лучшему?

Он часто перебирал воспоминания. Жизнь кажется такой огромной поначалу. Как будто там, впереди, бесконечный ромашковый луг, бежать по нему и бежать. А потом выходишь и видишь, что никакого луга нет, а есть асфальтовое шоссе с размеченными верстами, и идти тебе от столбика к столбику, до последнего пристанища. «Неотвратимо грядет увяданье, сменяя цветенье», но разве думаешь об этом, когда тебе немного лет.

Он был – от версты к версте – ребенком, беззаботным студентом, счастливым молодым отцом, зрелым мужчиной... Когда умерла бабушка, это воспринималось как данность, ведь бабушки всегда умирают. Жизнь сулила всяческие блага и утехи, и как-то не думалось о плохом, о неизбежном – что вырастет он, а значит, стареют родители... И когда похоронил их, то почувствовал себя будто без крыши над головой, и стало так неуютно, так холодно. Не сразу ВС понял, что теперь он – та самая крыша, под которой живут его жена и дочь, потом появились внуки, и он смотрел на них, как смотрит старый на маленьких, откуда-то словно издалека... А потом незаметно он стал уже и не крышей, а скорее чердаком: все дальше, все темнее, паутина, старая мебель, пыльные коробки... Скоро в одну из коробок упакует и его, – как новогодние игрушки после разбора елки...

Летом они поехали в деревню, в то самое Щёлоково. Лиза сверкала загорелыми плечами и у калитки вечно околачивались юнцы, а Маруся рвала смородину с куста, и разоряла цветник, и замирала изумленно, когда на руку к ней садилась божья коровка. Зять удил рыбу или что-то мастерил в сарае, дочка, в стареньком сарафане, ладная, веселая, сновала по участку то с лейкой, то с охапкой укропа, собирала малину и огурцы. А он по-стариковски неспешно бродил по дорожкам, всем мешал и путался под ногами, и смотрел, смотрел, останавливая все эти мгновения для себя, делая моментальные снимки на память, и зависал, наткнувшись взглядом на мелочь вроде сухих и пустых хитонов каких-то насекомых, болтавшихся в паутине на ветру, или куста клубники, где бок о бок были сочные, нагретые солнцем, сладкие клубничины, твердые зеленые ягодки и пара только расцветших белых цветков с желтыми, наивно распахнутыми глазками. Повсюду так, думал ВС меланхолично, жизнь и смерть, все вперемешку, а потом подходила нетвердо Маруся и тянула ягоды с грядки в рот, и он нежно думал: так и должно быть, так правильно, «тебе я место уступаю: мне время тлеть, тебе – цвести».

Он никогда не забудет тот момент, когда вошел в летнюю кухню и застыл, помертвев, и дочка непонимающе глядела на него, а на столе стояли перевернутые банки, только что ошпаренные кипятком, и плавали в тазу вымытые огурцы, и смородиновые листья источали дивный аромат, и листья дуба и вишни, и укропные желтые зонтики, а в руке дочка держала закаточную машинку, ту самую, с деревянной ручкой и щербинкой, и прошла целая вечность, прежде чем он осознал, что ни одной банки она еще не закатала, что только сегодня начала, что еще не поздно, не поздно, не поздно.

Потом было несколько натянутых, молчаливых дней, дочка не понимала и обижалась, а он страдал, но не мог объяснить. «Как с цепи сорвался, что я такого сделала, я думала, это старая, из бабушкиных еще запасов», – говорила она со слезой в голосе, а он курил, дрожащими руками придерживал пиджак на груди, стоял на крыльце и смотрел в ночное небо, колючее, далекое, немое...

Конечно, потом они помирились. И собрались купаться, и ВС шел с тайным вечным своим страхом за них всех, глупых, лезущих в воду, заплывающих на глубину. Нужно было все-таки сделать это, законсервировать, захлопнуть их жизнь в банку, как красивого мотылька, но жена оставалась в городе, принимала экзамены у заочников, а как без нее, как он останется без нее? А потом, возвращаясь в сумерках, ВС увидел его, человека в шляпе. Тот шел навстречу, с семейством, и все выглядели как прежде – дочка с косами, сынок в белых гольфиках, – но кое-что изменилось, потому что у красавицы-жены выпирал огромный, выпуклый, налитой живот. Пропустив своих вперед, человек в шляпе отстал и поздоровался с ВС, и непонятное что-то плескалось в его глазах, то ли боль и страх, то ли облегчение.

– Разбилась? – спросил ВС сочувственно.

– Не разбилась, нет. Я сам.

– Но почему?

– Никто не любит признавать свои ошибки, – пожал плечами тот. – Но какое счастье, когда их можно исправить. Приходите к нам на чай, моя дочь и ваша внучка одного возраста, авось подружатся.

Поздно вечером в доме гремели посудой, укладывали Маруську, звенел у калитки смех Лизы и басок ее кавалеров. ВС сидел на крылечке, курил, слушал, как бесшумно снуют в темных небесах нетопыри, как слизни выползают из укрытий, и клубничные кусты тянут через дорожку свои мохнатые усы. И звезды больше не казались ему такими колючими.

КЛЮЧ ОТ ЕЛОЧНОГО СУНДУКА

За окном бушевал ветер. Раскачивал деревья, гремел колодезной цепью, гонял по двору забытое ведро. Холодно, не погуляешь. Ваня то смотрел в окно, то книжки листал. На кухне дедушка гремел посудой. Скоро обедать, а потом можно посидеть вдвоем возле печки, посеCRETничать. И не забыть бы спросить у дедушки, какой сегодня день недели. Вдруг уже пятница? Тогда и до субботы недалеко, а суббота для Ваньки – особенный день: приезжает из города мама и остается до самого воскресного вечера.

Мама работала в городской поликлинике, и Ваня видел ее только на выходных. А папа вообще в другой город уехал, в командировку, но к Новому году обещал вернуться.

До Нового года оставалось две недели. Ваня уже написал письмо Деду Морозу. Сам! Вот мама удивилась! А чего удивляться, ведь Ване почти шесть лет, через год в школу пойдет. Он уже научился читать по слогам и писать прописными буквами. Его дедушка научил. У Ваньки хорошо получалось, аккуратно. И буквы были такие же, как у дедушки: «Т» с завитушкой и «Р» с хвостиком.

В старом дедушкином доме с зелеными ставнями и красной крышей Ване жилось хорошо. Дедушка всегда был рядом, всегда находил время поговорить с внуком. Они обсуждали все на свете: от погоды и птичьих следов на снегу до космических ракет и инопланетян. На ночь дед читал Ване книжки – те самые, что когда-то он читал Ваниной маме, когда она была маленькая.

А иногда по вечерам дед снимал с гвоздя старый кованый ключ с толстой бордочкой. Ключ от елочного сундука. Сундук стоял в дедовой спальне. На первый взгляд, он был ничем не примечателен: большой, тяжеленный – не сдвинешь! – из темного дерева, окованный жестяными полосками. Самый обычный сундук. Но это только так казалось! Просто все волшебство у него пряталось внутри.

В сундуке хранились, как говорил дедушка, «семейные реликвии». Ваня, когда впервые про реликвии услышал, вообразил себе красивые перламутровые раковины, жемчужные ожерелья и старинные монеты, как в пиратских сундуках. А оказалось, что реликвии – это старые вещи, которые принадлежали каким-то неведомым прабабушкам и прадедушкам, жившим давным-давно, еще до Ваниного рождения. Альбом с фотографиями, связки писем, круглая коробочка с пуговицами, мотки кружева, которые плела прабабушка, дорожные шахматы, в которые играл прадедушка.

А еще в сундуке жили новогодние игрушки. Потому и назывался он елочным. Игрушек было немного. Хрупкие, стеклянные, одни на прищепках, другие

на ниточках. Белый зайчик с барабанчиком, серебристый дирижабль, домик с заснеженной крышей, початок кукурузы, еловая шишка и розовый лебедь, и медведь с гармошкой, и девочка в теплой шубке, и мальчик-космонавт... Иногда дедушка и Ваня доставали игрушки и рассматривали их. Мальчик очень ждал Новый год, чтобы скорее нарядить елку. Ведь игрушкам так скучно сидеть в темном сундуке!

Правда, дедушка говорил, что елочные игрушки весь год спят и видят новогодние сны. А просыпаются они, когда хозяева приносят в дом елку. Тогда стеклянный зайчик морщит свой нос, принюхивается – и радостно принимается бить лапками в барабан: «Просыпайтесь, просыпайтесь! Елкой пахнет! Новый год наступает!» Ваня весело смеялся, представляя, как потягивается медведь и берет скорей в лапы гармошку, как взмахивает крыльями лебедь, а девочка стряхивает пылинки со своей шубки и заплетает косички, чтобы быть на новогодней елке самой опрятной и аккуратной, ведь девочки – они такие...

Вот, например, Ванькина мама в детстве тоже была очень аккуратной и трудолюбивой девочкой. Об этом Ваньке рассказали ее детские вещи, что тоже хранились в сундуке: школьные дневники с пятерками и тряпичная куколка с пуговичными глазами. Мама сшила ее сама, когда ей было восемь лет.

Ваньке очень хотелось иметь свои собственные «реликвии». И он положил в сундук жестяную коробочку от леденцов, где хранились фантики от жевательных резинок, часовая шестеренка, синее стеклышко. Дедушка не возражал. Конечно! Где же еще прятать сокровища, как не в сундуке под замком!

Ключ от елочного сундука дедушка вешал на гвоздик в потайном месте. Под картиной с вышитыми лебедями. Это была старая вышивка, прабабушкина. Никто б и не догадался, что под ней – ключ висит. Этот секрет знали только трое – Ваня, мама и дед. И Ваня никому-никому не рассказывал. Даже своим закадычным друзьям, Глебу и Даше, живущим по соседству.

С Глебом и Дашей Ваня водил серьезную и теплую дружбу. Хотя Глебу было десять лет, а Даше восемь, они хорошо относились к шестилетнему Ване, не дразнили его малявкой, принимали в свои игры. Между их домами стоял забор, а в заборе пара досок раздвигалась в разные стороны, – проходи кто хочет! И ребята часто шмыгали в гости друг к другу.

Как-то раз они играли в пиратов. Закапывали клады, рисовали карты. Ванька решил свой клад спрятать в поленицу, в щель между поленьями. И тут он вспомнил, что сокровища-то лежат в сундуке! А дедушка, как нарочно, ушел на почту, пенсию получать. А без дедушки сундук открывать не разрешалось...

И хотя Ваня знал, что поступает нехорошо, он притащил из кухни табуретку, встал на нее и снял со стены ключ.

Еле-еле приподняв тяжеленную крышку сундука, он достал свою жестянку и тут услышал, как открывается входная дверь. Дедушка идет! Ванька скорей захлопнул сундук и запер его. Сунул ключ в карман и побежал к друзьям.

В пиратов они играли до вечера, и Ванька забыл повесить ключ на место. Через несколько дней, за обедом, дедушка спросил:

– Ванюша, ты ключ от елочного сундука не видел?

Ваня едва супом не подавился. Он испугался, что дедушка все поймет по его лицу. Но дедушка отвернулся к плите, и Ваня проговорил:

– Нет, не видел.

– Я уже всюду искал, – сказал дедушка огорченно. – Как корова языком слизала...

После обеда Ваня помчался в сенцы, где висела его старая курточка.

Но в кармане ключа не оказалось. Зато оказалась там огромная дыра... Ваня похолодел... Выходит, он выронил ключ! Но когда? Во время игры в пиратов? Или на другой день, когда с Дашей и Глебом бегал в магазин за леденцами?

Ваня ничего не сказал дедушке. А сам принялся осматривать каждый клочок земли под ногами. Прочесал и двор, и огород. Нашел пару пуговиц, пробку, жетон от ленинградского метро. Но ключ от елочного сундука пропал безвестно и на глаза не появлялся, будто наказывал Ваньку за вранье... Лежал себе где-то в траве или в грязи, ржавел, но к Ваньке в руки не шел... А в сундуке остались заперты семейные реликвии и дедушкины воспоминания... И елочные игрушки! А до Нового года осталось всего несколько дней!

Дед с внуком продолжали жить, как жили. Варили кашу утром, днем хлебали суп, вечером пекли картошку в печке. В хорошую погоду Ваня гулял, а в дождь листал книжки с картинками. Там человек рассеянный напяливал на себя гамашу, Красная Шапочка собирала лиловые колокольчики по пути к бабушке, а горшочек все варил и варил свою кашу... Нет, книжки не радовали. Ванька с тоской смотрел в окно, а потом на деда.

Дедушка вроде был все тот же – кашеварил, топил печку, читал газеты. Но все чаще Ванька замечал на себе дедушкин внимательный взгляд. И смущенно отворачивался. Краснел.

– Уж не заболел ли? – дедушка трогал сухой ладонью Ванькин лоб. – Нет, не горячий. Ты чего нахохлился, воробушек?

– Ничего, – пожимал плечами Ваня.

– По маме скучаешь? Скоро приедет, скоро.

Ваня видел, что дедушка грустит. Они теперь часто молчали, мало разговаривали. Ванька не мог смотреть дедушке в глаза, но признаться в своем проступке боялся. Если дедушка узнает, что Ваня обманщик, то перестанет любить его, а этого мальчик боялся больше всего на свете...

Нет, нужно что-то придумать! Нужно вернуть ключ!

Ваня долго думал, как быть. И решил написать новое письмо Деду Морозу. Ведь тот исполняет самые сокровенные желания! Вот только как передать Деду Морозу письмо, чтобы ни дед, ни мама не узнали?

В тот день выпал снег. Ваня, Даша и Глеб лепили снеговиков во дворе, и Ваня спросил друзей, как их письма к Деду Морозу добираются. Он-то свое давно маме отдал. А она в городе купила марку и отправила с главпочтамта.

– А мы свои письма в морозильную камеру кладем. Они там недельку поморозятся, а потом исчезают: значит, Дед Мороз их уже забрал, – рассказал Глеб.

– И подарки мы всегда те самые получаем, что в письмах просим, – похвасталась Даша.

Ваня задумался. Морозильник у них с дедушкой был. Но вот времени не было! Успеет ли дойти письмо?

– А нет другого способа, побыстрее? – спросил он, доверчиво взглянув на Глеба.

Тот ответил весело:

– Конечно, есть! Снеговая экспресс-доставка! Лепишь снеговика, надеваешь ему на голову ведро, а в ведро прячешь письмо, завернутое в полиэтилен или фольгу. Ну, чтобы не промокло по дороге. И все! Ночью снеговик уйдет и доставит твое письмо Деду Морозу лично в руки!

– Ура! Это то, что мне нужно! – просиял Ваня.

И тут же принялся с удвоенной энергией лепить снеговика. А Глеб и Даша возводили своего неподалеку.

Их снеговик был повыше, посмешнее. Даша обвязала ему шею полосатым шарфом, а на голову надела старую шапку. Конечно, этот модник не собирался в дорогу. А вот Ваня своему снеговику на голову нахлобучил настоящую броню – старую эмалированную кастрюльку в цветочек, что валялась без надобности около забора.

– Снеговик Кастрюлькин к экспресс-доставке готов! – рассмеялся Глеб.

На шею снеговику Ваня повесил красный фликер на веревочке.

– Светоотражатель? – удивилась Даша, а Глеб похлопал Ваню по плечу:

– Молодец, Ванька, все продумал! – и пояснил Даше: – Это чтобы ночью снеговик мог вдоль шоссе идти. Любая машина его издалека заметит и объедет.

После обеда Ваня засел за письмо. Он торопился, но буквы выводил аккуратно и разборчиво, чтоб Дед Мороз все правильно понял.

В сумерках мальчик украдкой выскочил во двор. Снеговик смотрел выжидательно, будто уже знал, что от него требуется. Ваня поднялся на цыпочки, положил письмо под кастрюльку и прошептал:

– Поторопись, снеговичок, пожалуйста! Мне очень нужно, чтоб ты успел!

Кастрюлькин молчал. Наверное, он продумывал свой маршрут. Самую короткую дорогу к дому Деда Мороза.

Ваня побрел домой, не замечая, что из соседского окна за ним внимательно наблюдают. А когда совсем стемнело и в доме с зелеными ставнями погасли все огни, вдруг таинственно закрипели доски в заборе, и к снеговику Кастрюлькину прокрались две тени.

Это были очень несерьезные тени: они все время хихикали и зажимали себе рты варежками, до того смешным и захватывающим был их замысел. А замышляли они не больше и не меньше, как похищение снеговика! Сопя и перешептываясь, Даша и Глеб (разумеется, это были именно они!) вывезли санки с Кастрюлькиным в свой двор. Потом вынули письмо из-под кастрюльки и поспешили домой.

– А может, не надо? – прошептала Даша. – Нехорошо это, чужие письма читать.

– Наивная ты, Дашка, – возразил ей брат. – Письма к Деду Морозу всегда взрослые читают. Или ты думаешь, что он сам подарки всем приносит?

– Нет, я знаю, что мама с папой ему помогают, – рассудительно сказала девочка. – Сам бы Дед Мороз не успел все письма прочитать и все подарки разложить под елками. Детей-то вон сколько! В одном нашем классе двадцать восемь человек, а у многих еще братья и сестры есть!

– Вот именно, – сказал Глеб поучительно. – Сегодня нам с тобой выпала честь стать помощниками Деда Мороза! Мы прочитаем письмо и попробуем исполнить Ванькино желание. А если сами не сможем, то Ванькиной маме отдадим, когда она на выходные приедет.

Даша задумалась. Идея с чтением чужих писем ей по-прежнему не нравилась. Но Глеб говорил так убедительно. Ведь и правда, они же не из вредности! Они же хотят помочь! И девочка кивнула: ладно уж, читай.

– Ну Ванька, молодец, упаковал на совесть, – проговорил Глеб, распечатывая послание. – Я без ножниц эту тайную депешу не вскрыю, намертво запечатано!

Наконец Глеб справился с тремя слоями целлофана, в который было завернуто письмо. Стал читать, и усмешка медленно сползла с его лица, уступив место растерянности и досаде.

Он молча протянул письмо Даше. Крупными и неровными буквами там было написано: «Дарагой дед Марос ни надо мне леги и веласипет, а пусть найдется ключь от елочнава сундука».

Брат и сестра переглянулись. Они понятия не имели, что это за ключ и куда он пропал. И уж точно понимали, что не смогут осуществить это желание. Да и кто сможет? Если вещь потерялась, то найти ее поможет только счастливый случай.

– Что же теперь делать? – проговорила Даша. – Ванька же подумает, что Дед Мороз прочитал письмо и обязательно исполнит его желание... Ой, ой...

Глеб хмурился. Он изо всех сил пытался найти решение этой проблемы.

– Можно упаковать письмо и вернуть снеговика на место, – предложил он неуверенно.

– Ванька расстроится. Ты ж ему пообещал, что снеговик уйдет...

– Тогда вернем снеговика через несколько дней, и в кастрюльку положим ответ. Напишем, что ключ найти Дед Мороз не может, но зато пришлет Ваньке под елку хороший подарок...

– Так лучше, – кивнула Даша. – Только, знаешь, давай не будем писать, что он не сможет найти ключ. Давай напишем, что он постарается.

Но назавтра все их планы рухнули.

Потому что похищенный снеговик взял и растаял. Утром пригрело солнце, градусник показывал плюсовую температуру, и с крыш капали прозрачные сосулькины слезы. В луже, оставшейся от Кастрюлькина, плескались веселые солнечные зайчики.

Даша чуть не плакала от огорчения, но Глеб сказал:

– Ну что ты как маленькая!? Это же всего лишь снеговик. Слепим нового, Ванька не заметит разницы. А пока спрячем кастрюльку и фликер подальше, за курятник, например.

Капель разбудила и Ваньку. Спросонок ему показалось, что кто-то стучит в окошко, и он подумал: может, мама приехала? Она иногда так делала: приезжала на другом автобусе, пораньше, стучала пальцем в стекло и смеялась, увидев ошарашенную и счастливую Ванькину мордашку.

Но сейчас за окошком не было никого.

И снеговика во дворе тоже не было! Ванька не поверил своим глазам. Торопливо, прямо на пижаму, он натянул комбинезон с курткой и выскочил во двор.

– Куда, куда, егоза? – заволновался дедушка и побежал за ним с шапкой в руках.

А Ванька стоял посреди двора и озирался. Нет, снеговика в самом деле не было! Другой, которого слепили Глеб и Даша, стоял около забора и как будто удивленно разводил руками-ветками, мол, не знаю, братец, куда он делся, не заметил, проспал! Шапка и шарф на нем намокли, сам снеговик осунулся, повесил морковный нос, но все еще не сдавался на милость внезапному потеплению. Наверное потому, что стоял в тени.

– А мой снеговик ушел! К Деду Морозу! – похвастался Ваня, когда после завтрака встретился во дворе с Дашей и Глебом.

– Не может быть! – Даша притворилась изумленной.

– А что ты написал в письме? – спросил Глеб, и Даша по-настоящему удивленно воззрилась на него: зачем спрашивать, если они и так знают?

– Не скажу, это большой секрет, – насупился Ваня.

– Я вот один раз потерял любимую машинку, – продолжал Глеб, – и попросил Деда Мороза ее найти. Но знаешь, он не смог! Он же старенький, плохо видит. Зато под елкой очутилась новая машинка, еще лучше прежней!

– Да, лучше прежней, – повторила Даша.

Теперь она поняла, зачем Глеб затеял этот разговор. Чтобы подготовить Ваньку к тому, что его желание не исполнится...

У Ваньки на глазах набрякли слезы. Не все желания сбываются? Чудес не бывает? А как же тогда новогоднее волшебство?

Даша, заметив, что Ваня вот-вот расплчется, предложила:

– А давайте в прятки играть!

Она принялась считать до десяти. Глеб подмигнул Ваньке и бросился куда-то за дом. Мест, чтобы прятаться, у них во дворе было вдоволь – за теплицами, дровяником, летней кухней, но Ванька выбрал самое потаенное укрытие, за курятником.

Там и нашла его Даша. Ваня сидел на корточках и размазывал слезы по лицу. А рядом, на влажной земле, лежала знакомая кастрюлька в цветочек. Даша охнула, и Глеб хлопнул себя по лбу.

А Ванька всхлипнул:

– Кастрюлькин... он растаял... он не дошел до Деда Мороза...

После минутной паузы Глеб решительно воскликнул:

– Да это же не та кастрюля! Это наша! Мы вчера ее с Дашкой сожгли, хотели суп на обед разогреть и забыли. Вот, от матери спрятали, а то влетит же нам!

– Разве это не наша с дедом кастрюля? – с сомнением проговорил Ванька.

– Конечно, нет! Твой Кастрюлькин, небось, уже у Деда Мороза в гостях сидит, чай со льдом пьет и мороженым закусывает.

Ваня перестал плакать. Бросил последний взгляд на кастрюлю и, поверив угоровам Глеба, сказал:

– Давайте дальше играть! Чур, я снова прячусь!

Когда он умчался, Даша с Глебом переглянулись.

– Кастрюлькин обязательно вернется, – сказал Глеб сурово. – Как только выпадет снег.

Но снега все не было. Ванька гадал: вернется ли снеговик? Или Кастрюлькин остался жить у Деда Мороза? Ведь там холоднее, там не растаешь, как растаял снеговик Даши и Глеба, от которого осталась одна морковка...

В субботу приехала мама, нагруженная покупками. Оказывается, до Нового года осталось всего четыре дня, и мама привезла продукты для новогоднего стола. Покупки были по большей части скучные, с Ванькиной точки зрения: свертки с замороженным мясом и копченой рыбой, сыр и оливки, банки с майонезом и горошком. Нашлись в маминых сумках и более заманчивые пакетики – с шоколадными конфетами и длинными леденцами в ярких фантиках. Их предполагалось повесить на елку вместе с игрушками.

Веселая, запыхавшаяся, мама расцеловала «старого и малого», как она их ласково называла, и оглядела избушку. Удивилась:

– Елку еще не наряжали? Что-то вы припозднились.

Дед и Ваня переглянулись.

– Ключ пропал, – сказал дед.

– От сундука? – ахнула мама.

Она тоже любила разглядывать реликвии, примерять прабабушкины бусы и платки, перебирать пуговицы в коробочке. Мама как-то рассказывала Ваньке, что в детстве очень любила играть с этими пуговицами. Там у нее были пуговица-принц

и пуговица-колдун, а еще две красивые пуговицы-принцессы, из которых принц никак не мог выбрать себе невесту. Подумать только, один сундук – а столько вмещал жизней, историй и даже сказок!

– Так, может, просто взломать замок? – предположила мама неуверенно.

Ваня заметно оживился от ее предложения. В самом же деле, сундук можно открыть и без ключа! Но дедушка и слышать о таком не захотел. «Это старинная работа, умельцы делали, мастера, жаль ломать, он ведь как живой, со своей историей...» – сказал он, словно оправдываясь. И Ване снова стало стыдно. Ведь оправдываться нужно было ему...

Мама уехала. Пообещала вернуться 31 декабря вместе с папой и привезти новые елочные игрушки, раз уж старые заперты внутри сундука. «А вам задание, добры молодцы, пыль по углам обмести и елку раздобыть попушистее».

Елку они раздобыли на следующий день. Она стояла в ведре с песком, красивая и пышная, пахла смолой, хвоей и лесом. Только игрушек не хватало. Не сговариваясь, Ванька с дедом поглядели на сундук, а потом друг на друга. Дед вздохнул. А Ванька представил, как там, в темноте сундука, сидят испуганные елочные игрушки и перешептываются: «Почему никто не открывает сундук? Почему нас не достают? Нового года не будет?»

От этих грустных мыслей и от волнения за Кастрюлькина, который то ли ушел, а то ли растаял, Ванька расклеился окончательно. Он и не знал раньше, что от вранья делается так плохо. Нет, он больше не мог обманывать дедушку. И, как с крыши в снег спрыгнув, только сердце ухнуло, Ванька сказал глухо:

– Деда, прости меня... Это я ключ взял... И потерял... Я не нарочно...

Он думал, дедушка ахнет или ругаться начнет. Но было так тихо, только в печке трещали полешки, и чирикали ходики на кухне, считая часы до Нового года. Ванька поднял глаза. Дед смотрел на него – ласково, грустно, понимающе, и мальчик вдруг понял, что дед с самого первого дня знал прекрасно, кто взял ключ. Ведь табуретку-то Ваня так и не успел унести назад на кухню! Так и осталась табуретка стоять возле картины с вышитыми лебедями!

Стыдно, как стыдно! Ванька почувствовал, что вот-вот расплечется, и убежал в свою комнату. Дед за ним не пошел. Вскоре загремела сковородка на кухне, потом запахло оладьями.

Наплакавшись, Ванька вышел к столу. Про ключ они с дедом не говорили. Ванька не поднимал глаз от тарелки, то и дело шмыгал носом.

К вечеру он совсем раскис, заблестели глаза, зарумянились щеки. Встревоженный дед сходил за градусником, но температура оказалась нормальная, просто наплакался Ванька, от переживаний разгорячился. Но дед уложил его в постель, напоил чаем с малиновым вареньем, жарко натопил печку, все поленья до последнего ушли.

– Деда, ты не переживай, – бормотал Ванька, засыпая, – я снеговика послал... с письмом к Деду Морозу... Найдется ключ!

– Да бог с ним, с ключом, – махнул рукой дед. – Ты только не разболейся мне, слышишь, Ванюша? Новый год завтра встречать!

Ванька глядел рассеянно сквозь дремоту и радовался, что дед не сердится, что все хорошо и легко, как раньше. Он успел еще взглянуть в окно, где сгущались сумерки и крупными хлопьями падал снег... И уснул, так крепко, как спят только наплакавшиеся маленькие дети.

Он спал и не видел, как дед пошел за дровами к сараю, как зажег фонарь и вытянул пару полешек, и как вслед за полешками выпала из своего великолеп-

ного укрытия жестяная коробочка. Посыпались на снег немудреные Ванькины реликвии: фантики, шестеренка, синее стеклышко... С кряхтением дед присел, чтобы собрать эти сокровища, и вдруг замер, пригляделся и изумленно покачал головой...

А снег все падал и падал, как будто там, на небе, спохватились, что Новый год уже вот-вот, и нужно срочно все украсить к празднику, засыпать пушистыми белыми снежинками, засахарить ветки деревьев, взбить аккуратные сугробы, как подушки, чтобы детям было веселее в них падать и делать снежных ангелов.

Поутру дед, проснувшись раньше Ваньки, вышел расчистить дорожку от крыльца к калитке – и замер: во дворе, растопырив ветки-руки, стоял снеговик с шляпой-кастрюлей, надетой набекрень. Его залихватский вид и улыбка, выложенная из рябиновых ягод, будто говорили: «Что, не ожидали меня увидеть? А вот он я!»

Дед улыбнулся. Подошел поправить съехавшую кастрюльку, и вдруг ему в руки выпало письмо... И сразу вспомнились вчерашние горячечные слова Ваньки – про ключ, снеговика и письмо к Деду Морозу. Он растерянно огляделся, но во дворе никого не обнаружил, только ветер сдувал снежинки с крыши... И были плотно задернуты занавески на Ванькином окне...

Ванька проснулся поздно. Он чувствовал себя совершенно здоровым, довольным жизнью и очень голодным. Хотелось скорее позавтракать, выпить чаю и побежать на улицу, чтоб не пропустить приезд мамы с папой. Ведь сегодня ночью они будут встречать Новый год!

Он выглянул в окно. Ух ты, снегу намело! Какое все белое! И вдруг его сердце затрепетало. Там, во дворе, стоял снеговик! Его снеговик, Кастрюлькин! Он вернулся! Неужели принес ответ от Деда Мороза?!

Ванька за секунду оделся и вылетел во двор. Дрожащими руками распечатал конверт и стал шевелить губами, читая письмо.

Скрипнули доски забора, появились Даша и Глеб.

– Ух ты, Ванька, твой снеговик вернулся! – сказал Глеб.

– Что там написано? – спросила Даша. Хотя прекрасно знала, что: сама ведь вчера писала. О том, что ключ спрятала старуха Зима и пока не отдает. Зато положит Дед Мороз Ваньке под елку хорошие подарки. А там, к весне поближе, и ключ обязательно найдется! Не письмо, а целая сказка получилась. Глеб так и сказал: «Ну ты и сказочница, Дашка!» И сейчас она, затаив дыхание, смотрела на Ваньку: рассердится он или заплачет? Или кивнет и побежит дальше по своим мальчишеским легкомысленным делам?

Ванька не плакал. И не злился. Его краснощекое лицо расплылось в такой широкой улыбке, что Даша не выдержала, подбежала, заглянула через плечо. И ошарашенно позвала Глеба. Потому что письмо оказалось не то! Совсем-совсем другое оказалось письмо!

Печатными красивыми буквами («Т» с завитушками, «Р» с хвостиком) в письме было написано всего три слова: «Больше не теряй».

Не сговариваясь, дети дружно перевели взгляд на снеговика. И раскрыли рты от изумления.

Потому что на круглой снежной груди Кастрюлькина, как медаль, висел на веревочке рядом с фликером большой старый ключ.

И Даша ахнула: «Ой, Глеб, смотри!» И Глеб растерянно пробормотал: «Откуда он тут взялся?» И Ванька ахнул. Засветился весь. Оглянулся на деда. А дед невозмутимо чистил снег у крылечка, и только усы его загадочно шевелились, как будто в них он прятал улыбку.

А потом время покатилось быстро-быстро. Приехали мама и папа. Все вместе они открыли сундук и нарядили елку. Зайчик на прищепке, и медведь с гармошкой, и девочка, и космонавт – все нашли себе местечко на смолистых лапах. А рядом со старыми поместились и новые игрушки – те, что мама привезла из города. Шарик, сосульки – и снеговик, чем-то очень напоминающий Кастрюлькина. Ване почему-то казалось, что этот елочный снеговик отлично знает о происшествии с ключом. И что теперь в сундуке поселится и его, Ванькина, собственная история.

А снеговик Кастрюлькин стоял во дворе, и все ярче сияла его рябиновая улыбка. Кастрюлькин знал много тайн: и тайну ключа, и тайну письма, и тайну кастрюльки в цветочек. А еще он знал, что никогда не нужно врать своим родным людям. Ведь вранье – оно как злой северный ветер, и нельзя впускать его в свое сердце.

Это яснее ясного даже снеговикам.

Екатерина Медведева родилась в 1980 году в Бресте. Окончила филологический факультет Брестского государственного университета. Автор книг сказок «Стеклянное, оловянное, деревянное», «Разломашки мастера Люфта», «Ключ от елочного сундука». Победитель международного литературного конкурса «Детский портал – 2006» (Украина), республиканского литературного конкурса «Мы рождены для вдохновенья» (Беларусь). Живет в Бресте.

